

Виктор Дмитриев

ЗЕНОН, ДОГОНЯЮЩИЙ ЧЕРЕПАХУ...

(О прозе Элины Свенцицкой)

У Юрия Кузнецова есть стихотворение про то, как Барух Спиноза смотрел на борьбу пауков и вот к моменту, когда осталось только одно насекомое уже сам философ решил превратиться в паука и побороться с оставшимся. Борьба закончилась гибелью одного из них, но был ли этот победитель еще совсем недавно Барухом, поэту уже было неинтересно знать. И совершенно верно, ведь, оставшийся паук, даже если и был когда-то Спинозой, то какой же это Спиноза теперь, даже если он и победил? Это просто паук и более ничего... Трудно сказать, что вдохновило выдающегося нашего поэта на такую вот фантазию, но с точки зрения чисто философской фантазия очень интересна. Ведь не так же ли философ Зенон, наблюдая как Ахилл бежит за черепахой, столь возбудился увиденным, что создал свою знаменитую апорию «Ахилл, догоняющий черепаху»... Как вы помните, Ахилл черепаху не догнал и Зенон очень сильно старался доказать, что чисто математически это очень даже понятно...

Мне очень хотелось написать статью о прозе Свенцицкой, но никак не приходило в голову название, то есть – никак не приходила в голову формула, в которую я мог бы уложить читаемое... И вот строчки из романа «Триада Рая», читая которые я вдруг живо представил себе ту самую черепаху и того самого Ахилла:

«И Маша пошла по лестнице вверх, туда, где ее ждали. Первую лестницу она преодолела уверенно, но на второй ее шаг стал катастрофически замедляться, на третьей она потеряла шлепанцы, причем почему-то сразу оба, и пришлось вернуться на несколько ступенек вниз, чтобы их обуть.»

Вот тут-то я и воскликнул древнегреческое «эврика», потому что сразу как-то догадался о том, почему роман, который поначалу мне казался необыкновенно интересным, постепенно утрачивал этот самый интерес, медленно, но верно остывавший под усыпляющим воздействием длиннот... Откуда эти длинноты? В чем дело? Спрашивал я себя и с назойливостью по-настоящему вредного критика перечитывал роман, чтобы найти разгадку...

Одним словом, я через этот роман и притчу-то понял как-то по новому. Понял, что на самом-то деле, никакой черепахи там не было, и Ахилла не было, да и с Зеноном не все так просто было. Его-то ведь тоже, пожалуй, не было...

Как не оказалось в романе и самой Элины Свенцицкой, писавшей роман от своего лица... Причем, она элиминировала себя очень интересным (необыкновенно талантливым) образом: она в буквальном смысле (мы тут говорим всего лишь о сюжете, не волнуясь) разрезала себя на мелкие кусочки и разложила по всяким там баночкам, при этом оставив за собой способность продолжать писание романа... Ход совершенно замечательный, меня и до сих пор гложет любопытство, прямо-таки раздражает – это откуда-то позаимствовано, или целиком находка автора? Если последнее – то находка достойная высшей похвалы, как, впрочем, и многое другое. Роман буквально переполнен интереснейшими ходами, великолепными авторскими изобретениями, полон глубоких афоризмов, тончайших психологических решений... Но роман не получился! Рассыпался на кусочки прямо на глазах... Я – читатель - оказался в роли черепахи, которую роман *не догнал*...

Роман «Триада Рая» ведется от лица писательницы, имя которой Мария. Судьба ее складывается очень нелегко. Нелегко и оригинально. Ею заинтересовался некий «читатель», который в тот же самый момент является и ее судьей, следователем, каким-то образом обладающим над писательницей властью, обязанным контролировать ее внутреннюю, ее творческую жизнь, требуя от нее отчета в образе мышления, в решении эстетических проблем, в ее отношениях с героями, влезая и в ее частную жизнь. Не очень понятно почему, но она подчиняется приказам этого читателя-следователя, то читая ему свой роман, то выполняя его приказы, по характеру которых видно, что он еще и доктор, причем не только психолог; это по его приказу она разрезала себя на кусочки, разложила по баночкам и в этом виде продолжала повествование... У писательницы есть две виртуальные дочери. Это придуманные ее воображением Марии, фамилия одной Рильке, фамилия другой Ремарк, обе ее литературные героини, взявшие себе столь знаменитые фамилии. Это и фантомы (персонажи) и реальные люди одновременно. Между ними какие-то странные отношения, одна перетягивает к себе любовников и даже мужей другой, обе не могут наладить свои жизни, живут ужасно, сумбурно, ничего у них не получается, одна из них отчаянная графоманка, другая, кажется, чуть нормальнее, но тоже какая-то странная, обе, можно сказать, сумасшедшие, но живые, со своими житейскими заботами, со своим автором-матерью «Марией» пребывают в отношениях войны и мира, как это часто и водится между матерями и дочерьми...

Довольно скоро все оборачивается тем, что читатель (тут я говорю про себя) просто не может понять, где идет речь о Марии Рильке, где о Марии Ремарк, какая между ними разница, мешает и то, что обе не то люди, не то фантомы, при всей своей очевидности и даже яркости, тем не менее, какие-то туманные, недействительные сущности, так что, в результате, желание удержать в памяти их различия постепенно пропадает, ибо не имеет, как выясняется, смысла...

Головной роман. Головоломка. Точно такая же, как и говоломка, созданная Зеноном. Ведь очевидно же, что философ совершенно отвлекся от реальности, поместив своих героев в пространство своего сознания, каждого окружив (облепив)

его собственным пространством-временем. Черепаха движется внутри *своего* времени, сугубо в *своем* пространстве, а Ахилл внутри *своего* времени... Это значит, что никакого Ахилла нет и никакой черепахи нет... Целью Зенона было показать, что вся эта, казалось бы, столь очевидная реальность творится во тьме нашего черепа, конструируется нашим сознанием. Но какова цель Свенцицкой? Следуя Бахтину, доказать нам, что герои могут быть столь же реальны, как и автор? А читатель владыка авторского сознания? И автор, как бы ни заносился перед своим читателем, его боится и перед ним готов заискивать? А герои могут послать автора ко всем чертям? Пусть так, но в таком случае, надо было следовать примеру Зенона: быть предельно краткой. Если бы Свенцицкая написала не роман, а рассказ, сохранив весь свой интеллект, так легко ставящий блестящие рекорды в остроумии, глубокомыслии, то получился бы очень интересный рассказ-апория. Если бы Зенон на тему Ахилла и черепахи написал роман толщиной в «Триаду Рая», то кто бы стал его читать? А так, философ только ухмыляется: я написал полстранички, а вы, дорогие далекие потомки, ломаете головы уже бог знает сколько лет... Долготой своего романа Свенцицкая поставила нас в очень тяжелые условия: мы чувствовали себя просто обязанными понять кто есть кто, чем Каскадер отличается от Димы Горгойлера, о какой Маше сейчас идет речь – о Маше Рильке или Маше Ремарк, хотя разницы между ними нет никакой, ну и так далее... Помещенные в пространство заведомой головоломки, некоего интеллектуального лабиринта, герои превратились в пауков из стихотворения Ю.Кузнецова. Нам уже все-равно, кто там бывший Спиноза, а кто всегдашний паук... Причем «Маша» одна и «Маша» другая, называемые совсем рядом, да плюс «Миша» (Раскатаев) создают пестроту в глазах: Маша... Маше... Миша... Мишу... Машу... Наступает момент, когда читателю становится уже все равно, кто есть кто... Тут будет уместным припомнить и Грегора Замзу, который превратился однажды в насекомое. Помните, чем все кончилось? Сначала в нем что-то оставалось от человека, потом разум уж совсем помутился, все заволокла пелена... Так получилось и в романе Свенцицкой: ее герои, оказавшись в пространстве «матрицы», чистой авторской воли потеряли *волю к мысли* (мыслью, следовательно существую). То есть они только тем и занимаются, что мыслят наперегонки друг с другом: не хуже насекомых перебирают мыслями как бесчисленными ножками, перебирают мысли, находясь в каком-то *коридоре из мысли* (из *авторской* мысли) и в конце концов как бы исчезают и для себя и для нас точно так же, как исчезли Ахилл и черепаха Зенона, распавшись на молекулярное пространство-время (доли секунд и доли метров) апории... Все эти грязные носки, нестриженные ногти, пахнущие ноги, невымытые полы, грязные постели, все это не что иное, как пространство-время убогого сознания, потому и убогого, что распавшегося на мелкую пыль, т.е. максимально приближенного к своему исчезанию, ибо на уровне всех этих деталей сознание теряет самое себя, разрезав и себя на мелкие кусочки. Задав себе цель доказать почти *научно* (математически, «диссертационно»), что Ахилл не догонит черепаху, что герои ее никогда не выскочат из рамок собственного несуществования, автор лишила действие (да и саму себя) всякой возможности прорваться к катарсису... Беда этого романа, что в нем не завязалось *событие*, читатель и себя-то находит парализованным (лучше сказать

деморализованным) логикой апории, а, стало быть, находит парализованным (децентрализованным?) и свой интерес...

Отсюда и постепенно укрепляющийся в сознании вопрос – зачем? Зачем все это? Чтобы показать убожество нашей жизни? Показано! Очень здорово показано... И очень хорошо показано как человек не просто не знает *как*, а *не хочет* вырваться из этого ада... Отлично показано, как автор существует внутри авторитарной системы, с которой не рискует бороться, которую не рискует заведомо отвергнуть, как просто не существующую на духовном уровне... Автор как бы цепляется за свой интеллект, но таковой не позволяет ей, то есть «настоящей» (как бы непридуманной) Марии «выпрыгнуть» из рамок, жестко очерченных полутаинственными основаниями, в основании которых нет, впрочем, никакой таинственности, а есть очевидная наглость давящей своей пошлостью общей атмосферы, какой-то агрессивно-мрачной, остервенело-равнодушной к живым тварям среды. Вот это столь очевидное небытие автора, ее равенство со своими героинями, ее полное безвластие над ходом романа и лишает роман «хребта», какой-то крепкой основы, на которую нанизываются события. Мы качаемся на волнах событий, отлично сознавая реальность этих волн, но они нас укачали до такой степени, что нам уже все-равно, и даже финал, написанный поэтично, совершенно не в духе романа в целом, уже не утешает наше переутомленное сознание. Если бы история, рассказанная Свенцицкой была рассказана покороче, то как было бы хорошо: мы бы не успели устать от не существующего Ахилла, не могущего догнать не существующую черепаху. Ведь очевидно же, что все эти Димы Горгойлеры, Миши Раскатаевы, Каскадеры, какие-то недотепанные (недоклепанные?) мужчины и такие же недотепанные женщины являются символом какой-то недотепанной реальности. Тот факт, что герои этой реальности являются еще и *персонажами*, т.е. очевидными символами, и сам автор, в общем-то, тоже персонаж, которого одолевают сны, один жутче и прозаичнее другого, все это превращает роман в длинную расписанную однообразными картинками стену, которую нельзя путать с жизнью, но и не путать нельзя, ибо это тоже жизнь... Недаром в романе так часто встречаются длинные коридоры, проходы с дверьми, лестницы, ступеньки... И как образ могучего прекрасного Ахилла в воображении реального автора (уже Элины Свенцицкой, а не «Марии») никак не может окончательно сложиться, с каким бы усердием писательница ни накладывала друг на друга такие жалкие мелкие фигуры как Горгойлер, Каскадер, Раскатаев, так и образ женщин тоже рассыпается, несмотря на довольно очевидную яркость этих образов, рассыпается точно так же, как сухой песок под руками скульптора... В этом есть некая идея, что и говорить. Так рассыпается жизнь человека в стране, которая сама рассыпается под палящими лучами безвременья, но жизнь человека и страны *может* рассыпаться, а роман – не может, не должен!..

Да и сама автор, как уже говорилось, весьма-таки фантомна. Трудно сохранить самоидентификацию, разрезав себя на кусочки. Как Зенон, благодаря откровенной поэтичности своего текста, не мог избежать математических (метафорических) выкладок, вместе с Ахиллом и черепахой разрезав себя на мелкие кусочки все тех же зловещих секунд и сантиметров, так и «Мария-автор» выдала свое

профессорско-математическое (т.е. *истинное*) происхождение, свою изначально заложенную в нее дискретность *чистой мысли*:

«Если написаны «Записки сумасшедшего», то сумасшедшие записки еще писать и писать. И теперь понятно, чем произведение отличается от текста. Если в произведении наше сумасшествие субъективировано и локализовано, то в тексте оно внесубъектно, размыто и в конце концов переходит в сам текст. Потому-то создатели произведений часто сходят с ума, а писатели сумасшедших текстов остаются в добром здравии. Впрочем, это правило не подтверждается исключениями.»

Если вчитаться в этот текст, то получается, что в нем сказано о тексте, созданном нашим автором: это текст зеноновской апории, в которой растворены субъекты (Ахилл и черепаха), то есть текст, который *вбирает в себя сумасшествие автора*. Но главное, опять-таки, не в этом, а в том, что приведенный нами отрывок для романа звучит слишком *математично*, диссертационно... Вот Свенцицкая и оказалась в своеобразной ловушке: между черепахой, Ахиллом и Зеноном, точнее, зеноновым *текстом*.

Одним словом, чисто психологически этот роман написан прямо по следам советской жизни, советского авторитаризма, на смену которому пришла пошлость не менее жуткая по своей «консистенции», но какая-то другая по своим истокам. Друговость этой пошлости Свенцицкая очень тонко почувствовала, но художественной (эстетической) формулы для нее не нашла, то есть, нашла, но на всю эту математику не нашла новой, более емкой математики, не уложила в формулу покороче. Как не нашла своего «равноэмцеквадрат» и в повести «Мессия».

Главную героиню повести можно причислить к одной из «дочерей» автора «Триады Рая», это такая же сумасшедшая, как и обе Марии, только на этот раз имя новой героини Сарра Цвигун, ставшая Саррой Цви после того, как превратилась в Мессию. Она решила, что вот она-то, Сарра Цвигун и есть долгожданная Мессия (как она утверждала – мессия женского рода)... В своей уверенности, что она Мессия, Сарра повторяет обеих Марий, обеих «черепах», уверенных в том, что они способны догнать и обогнать Зенона (своего создателя, своего автора – «Марию»-Свенцицкую). Разница та, что Марии – тихопомешанные, а Сарра – буйнопомешанная. К тому же Сарра про существование Автора ничего не знала и действовала не в рамках апории «Марии»-Свенцицкой, а в рамках сугубо собственного воображения, рамок у которого не было... Хотя, пожалуй, все-таки, были. В своей полубредовой фантазии она вдохновлялась смесью из Ветхого и Нового Заветов... «Черепаха» Сарра Цвигун, явно догадавшись, что какой-то умный грек внимательно за нею наблюдает и прославился благодаря ее истории на тысячелетия вперед, решила, что она ничем не хуже его... Убогое сознание

среднего человека разгулялось на всю катушку, и мы видим, как пародийно исказилось в этом сознании и Евангелие, и Ветхий Завет, и все на свете...

Разгул местечкового сознания, раздутость сектантски-узкого воображения показаны, с одной стороны, просто блестяще, часто с большим остроумием... Я думаю, что знаменитые Пуси Райот, например, просто предсказаны Свенцицкой в образах обеих Марий и Сарры Цви. У девушек из Пуси Райот есть сектантская узость воображения и мормоно-сектантский темперамент... Крушение советской власти еще не кончилось, это длительный процесс. Тяжелые глыбы откалываются и летят вниз, высокие столбы пыли очень быстро и охотно летят вверх, подпольный человек вдохновляется зрелищем конца света и пытается найти свое место в этом апокалипсисе... Одни кончают отчаянием, другие неслыханным энтузиазмом... Сарра – из числа последних... В дыму и обломках разваливающейся вселенной такие люди (подпольщики, «апокалиптики») чувствуют себя вполне уютно. Новый русский апокалипсис если еще не породил, то породит много таких Сарр; Пуси Райот, словно по подсказке обеих Марий и Сарры, очень точно угадали место своего выступления – буквально повторив подвиг Христа, изгнавшего торговцев из храма. Я не склонен думать, что на самом деле все было так, как описано в Евангелии. Вряд ли Христу удалось изгнать огромное число торговцев из огромного помещения, это выглядело, скорее, как наш «русский» riot. Обратите внимание, что реакция и российского и иудейского фарисейства совершенно одинакова. Короче, Свенцицкая восхитила нас своей пронизательностью. В чисто художественном отношении проблема тут только одна – повесть слишком растянута, хотя она и короче «Триады...». Образ Сарры, ее характер во всей его примитивности отнюдь не требует столь внушительного пространства...

Вот почему с огромным наслаждением я перехожу к коротким вещицам Элины Свенцицкой^[1], к ее апориям, достойным, как говорится, кисти... самого Зенона! В своих коротких вещах она просто классик. Там есть решительно все, что растворено в «Триаде Рая» и «Мессии», но именно растворено, в мини-рассказах писательница нашла себя, превратила каждый из этих рассказов в драгоценный кристалл...

Как описать мне мои ощущения от этих мини-рассказов? Никак. Могу только привести пример, вот отрывок из одного из них:

« - И что же случилось?

- Я встретила новую любовь всей моей жизни. Он появился внезапно. А потом у меня появилась дочка Светлана и мертворожденный сын. Дочка у меня умненькая, ходит в садик, а сыночек не ходит, но тоже молодец. Только муж у меня страдает бессонницей, никак уснуть не может. Однажды проснулась я ночью, будто толкнул кто-то, смотрю, а он стоит в рубашке белой, что-то ищет. «Ты чего?» - спрашиваю. «Иголка мне нужна», - отвечает. «Для чего тебе иголка?» - спрашиваю. А он плачет: «А почему они мне спать мешают? Бегают туда-сюда, закрываться не

хотят...». «Кто они?» - спрашиваю. «Глаза мои, глаза...» - плачет он. Еле-еле успокоила его, до утра мы с ним разговаривали, стихи читали.

- Ему лечиться нужно...

- Не нужно ему лечиться. Если он вылечится – кому я буду стихи читать?». («Вести с того света»).

Поверьте, читатель, в этом кусочке – вся «Триада Рая» как на ладони. И даже больше того. Тут черепаха, о которой так глубоко задумался Зенон, повернула к философу (он же писательница Свенцицкая) свою голову и человеческим голосом промолвила: На свете, друг Зенон, полно вещей, которые тебе и не снились... Например черепаха, которая даже и не думала убежать от Ахилла, ибо чихать ей было на него точно так же, как и ему на нее... И вообще, Зенон, никакая я не черепаха а самый настоящий ты, твое отражение, твоя сущность... Ведь сознайся, что свою апорию ты сочинил потому, что копия меня: ходишь тут, глядя в землю, и сочиняешь жизнь, параллельную той, которой ты живешь и которой так недоволен... Красивый мощный Ахилл для тебя тот самый зеленый виноград, который ты усилием мысли растворяешь в псевдо времени и псевдо пространстве... Бормочешь себе под нос «Быть все-равно что не быть», и думаешь, что ты умнее всех...

И вот тут, на этих словах черепахи, наш философ, - он же писательница Свенцицкая, - повторил подвиг Баруха Спинозы (прямо по Ю.Кузнецову). Зенон догнал черепаху, ту самую, *настоящую*, стремительно убежав от черепахи фальшивой, придуманной, средствами математики и возвеличенной и уничтоженной одновременно... Он догнал *настоящую* черепаху и превратился в нее. И вот ее первые мысли по чудесном превращении:

«У меня в мозгу морские коньки. Нет, я не брежу, просто мне нравится эта фраза. Она сразу вводит в курс дела и характеризует того, о ком написана. А о ком она написана? Неужели обо мне? Нет, если бы она была написана обо мне, то мне надо было бы признать, что я сумасшедшая. Но я не сумасшедшая, даже не ненормальная. И единственная моя навязчивая идея состоит в том, что у меня нет никаких навязчивых идей. Но я сознаю, что это навязчивая идея, и очень хочу от нее избавиться.» («Записки сумасшедшей»).

Вот видите, никакой *диссертационности*, она Зенону-Свенцицкой уже не нужна. Как не нужны и всякие ругательские (матерные) слова, которые стали ритуальными символами постмодерна, и которых было предостаточно и в «Триаде Рая» и в «Мессии»... Да, там была очень умная, тщательно продуманная конструкция, в которой человек играл точно такую же роль, какую грани играют в бриллианте... Чем больше граней, тем лучше... И торжествовала геометрия, ради которой можно было использовать слова и словечки, которых от *профессора*

Свенцицкой я никак не ожидал и прощал ей эти выражения исключительно из любви к искусству шлифования... Ведь что такое вся эта матерщина для языка? А то же самое, что и перхоть для давно невымытых волос, те же грязные носки и прочая вонючая дрянь для заброшенной в грязный угол жизни, жизни, махнувшей на себя рукой. Ну хорошо, пусть герой махнул на себя рукой, а зачем писателю-то это надо? Кому интересен гранильщик алмазов, махнувший на себя рукой? Получается, что он зовет нас в угол, где вместо алмазной пыли, пыль самая обыкновенная, с пауками пыль!.. Короче, видел же я, что гранильным мастерством писательница владела блестяще. Чем не владела, так это своим *полным*, абсолютным вниманием и к Ахиллу, и к черепахе... Грани и их углы по одну сторону повествования, а (пыльные?) волны житейских обстоятельств – по другую. В коротких же рассказах Свенцицкой торжествует сам человек... Ему, этому человеку, нет нужды вписываться в искусственные конструкции, каким бы умными и интересными таковые ни казались... От многочисленных конструкций устаешь легко и быстро, от живых людей – не оторваться. Мне перечитывать «большие» вещи Свенцицкой было трудно. Все было двадцать пять раз ясно, а надо было повторять движение по тем же линиям и плоскостям, искрившимся очевидным талантом, но талантом, заикнувшимся на своем устройстве. Ее же короткие «апории» (новеллы? истории? миниатюры?) я каждый раз перечитывал буквально на одном дыхании. Каждый раз читал так, как будто читаю впервые... В «длинных» вещах Свенцицкой много довольно умных диалогов, но часто они умны ради ума, они никуда не движут действие, другое дело - короткие рассказы: они, эти диалоги и есть *само действие* этих рассказов, действие самой жизни, а не только авторской мысли о пользе такого-то диалога для действия...

Вот какой разговор «черепах», например, подслушала писательница в трамвае. Вы только послушайте!

«...Вот две старушки-пенсионерки в полупустом, промерзшем насквозь трамвае, глядя в окно на мусорные кучи, засыпаемые первым снегом, тихо рассуждают между собой:

- Время пошло такое – ни на что не похожее... Люди кричат, возмущаются, а по моему – все это бесполезно. Время такое – и ничего не поделаешь.

- Причем тут время? Время – обыкновенное. Сколько лет живу на свете, а хорошего времени не видела. Дело не во времени, дело в людях...

- А что с людьми? Люди как люди...

- Нет, люди испортились... Извратились вдребезги... Живут – и ничего не понимают.

- Да когда они что-нибудь понимали? Когда они нормальные были? Нет, это время такое.» («Что в рот, что по лбу»).

Выписал этот кусок из рассказика и стал читать его дальше. И так хорошо, так интересно, вы себе не представляете... И захотелось мне все это непременно переписать для вас, читатель, но... Стоило ли упрекать талантливую писательницу за слишком длинный роман, если сам не знаешь, как себя остановить?.. От цитирования лучше воздержусь, но прочитать Свенцицкую – советую настоятельно! И вообще, вот какая мысль пришла мне вдруг в голову: недавно я читал статью, в которой говорилось, что интерес к художественной литературе заметно угасает, люди прикипают к компьютерам, черпают массу интересной информации в таких количествах, что художественная литература им уже не очень даже и интересна... Но как же так, подумал я... А разве вот эти рассказы Свенцицкой, например, *сама их художественность* не есть вид информации? А где еще они прочитают такие диалоги, где еще увидят такие ситуации? И какая такая информация может заменить информацию о человеке, попавшем в языковое (речевое) художественное пространство-время? Ведь такого человека нигде больше нет кроме как в *художественно-речевом пространстве-времени*... И если таковое отомрет, то отомрет вместе с нами, ибо мы (и вы и я) вне такового эстетико-речевого пространства-времени просто немислимы; без него *нас с вами* просто нет и быть не может и, стало быть, если оно уничтожится, *нас с вами* уже тогда больше никогда и нигде не будет... О ужас!

Одним словом, если в начале вот этой статьи я очень хорошо понимал Юрия Кузнецова, то к концу ее написания совсем не понимаю поэта. А вдруг тот-то самый победитель и был бывшим Спинозой? Было бы очень интересно спросить его, как там пауки себя чувствуют. Вот Свенцицкая, например, догнала-таки черепаху, перевоплотилась из слишком заматематизированной черепахи в черепаху, так сказать обыкновенную – в *turtur ordinarium*, так сказать, превратилась, убежала из своего философского плена, от себя *математика* убежала и посмотрите, что обнаружила, посмотрите, какую глубокую формулу вывела: если человек говорит сам с собой (первый наш отрывок из «Прозы жизни»), если муж разговаривает с женой (второй наш отрывок из «Прозы жизни»), если одна пожилая женщина разговаривает с другой пожилой женщиной (третий наш отрывок из «Прозы жизни»), все-равно никто никого не слышит, ибо каждый разговаривает сам с собой... Люди не то, что бегут или там идут в одном направлении, а буквально устремлены *навстречу друг другу*... Более того, бегут и смотрят в глаза друг другу. И что? А ничего! Никто никого в упор не видит и не слышит, *не догоняет* и все тут, причем не потому не догоняют, что *не хотят*, а потому что вообще не понимают *что это даже такое*... То есть такая апория получается, что и самому Зенону не снилась...

Одним словом, если не достанете Зенона, то читайте Элину Свенцицкую... Не пожалееете... Хотя, конечно, вот только бы – встретиться, *догнать*...

Тут весь вопрос...

[\[1\]](#) Это несколько циклов: «Из жизни людей», «Простите меня», «Проза жизни».